

Review. 1974. Vol. 33. No. 2. P. 167–188.

37. Malleon G. Herat: The Granary and the Garden of Central Asia. L.: W. H. Allen & Co., 1880. 196 p.

38. Marvin Ch. Russians at the Gates of Herat. L.; N. Y.: Frederick Warne and Co., 1885. 185 p.

39. Morrison A. Peasant Settlers and the ‘Civilising Mission’ in Russian Turkestan, 1865–1917 // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2015. Vol. 43. No. 3. P. 387–417.

40. Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. Oxford: Oxford University Press, 2008. 364 p.

41. Morrison A. The ‘Turkestan Generals’ and Russian Military History // War in History. 2018. P. 1–32.

42. Pierce R. Russian Central Asia, 1867–1917. Berkeley: University of California Press, 1960. 359 p.

43. Rawlinson H. England and Russia in the East. L.: John Murray, 1875. 393 p.

44. Rodenbough Th. F. Afghanistan and the Anglo-Russian Dispute. S.l., s.a. 76 p.

45. Sahadeo J. Home and Away: Why the Asian Periphery Matters in Russian History // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol.16. No. 2. P. 375–388.

46. Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2007. 319 p.

47. Said E. W. Orientalism. L.: Clarendon Press, 1978 (рус. пер.: Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006). 368 p.

48. Starr S. F. In Defense of Greater Central Asia. Policy paper, September 2008. Washington, DC: Central Asia – Caucasus Institute, 2008. 14 p.

49. Sunderland W. The “Colonization Question”: Visions of Colonization in Late Imperial Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2000. Bd. 48. H. 2. P. 210–232.

50. Sunderland W. What is Asia to Us?: Scholarship on the Tsarist “East” since the 1990s // Kritika. 2011. Vol. 12. No. 4. P. 817–833.

51. The Russian Research Center, Harvard University. The Third Decade: 1968–69 Through 1977–78. Cambridge, MA: Harvard University Press, s.a. 94 p.

52. Yapp M. The Legend of the “Great Game” // Proceedings of the British Academy. 2001. Vol. 111. P. 179–198.

А. Д. Васильев
(ИБ РАН, РИГУ, Москва)

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ИНТЕРЕСЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Аннотация: Связи государств Центральной Азии и Османской империи на протяжении длительного исторического периода имели многоплановый и разнородный характер. На развитие взаимоотношений оказывали влияние сначала общие интересы политического и религиозного характера – стремление восстановить политическое единство на территориях, некогда подконтрольных Тимуридам, совместная борьба против Ирана и шиитов, хадж как социокультурный феномен, а

затем попытки создать антироссийский военно-политический альянс.

После присоединения к России контакты населения Центральной Азии с Османской империей не прервались, хотя местным элитам было запрещено вести самостоятельную внешнюю политику. Связи населения региона с Турцией существенно расширились, на смену политическим и дипломатическим связям пришли гуманитарные, культурные и образовательные связи.

Ключевые слова: Османская империя, Бухара, Хива, Коканд, хадж, политические, дипломатические, культурные связи

Связи Османской империи и государств Центральной Азии неоднократно освещались в литературе¹, однако у исследователей отсутствовала единая точка зрения на вопрос об их периодизации. Это объяснялось целым рядом причин: идеологической обусловленностью тех или иных работ, выбором темы для изучения, недостатком материала. Так, ряд исследователей (прежде всего турецких) рассматривали связи Центральной Азии с Османской империей в достаточно обширный период последней четверти XVIII – второй половины XIX вв. Указанные временные рамки обозначались как «период русской оккупации»². В то же время границы указанного периода могли меняться. Поскольку точных отправной и конечной дат для описания данного этапа не имелось, их выбор в конечном итоге зависел от предпочтений автора.

Можно сказать, что одними из немногих, кто пытался внести какую-либо периодизацию в данный вопрос, был турецкий исследователь узбекского происхождения Ахат Андиджан, в своей книге попытавшийся установить четкую периодизацию исторических и культурных связей населения Малой и Центральной Азии. По его мнению, отправной точкой связей стала тюркизация населения Малой Азии, которую он связывал с приходом на ее территорию сельджуков³.

Будучи внерегиональным актором в Центральной Азии, Османская империя, тем не менее, обладала историческими, политическими, социально-экономическими связями с Центрально-Азиатским регионом. Рассмотрение истории отношений Османской империи и государств Центральной Азии в XVIII–XIX вв. было бы неполным без предварительного анализа тех факторов, которые влияли на их многосторонние связи в XV–XVII вв.

¹ Более подробно историю вопроса см.: Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XIX вв.). М., 2014. С. 7–48.

² Например, см.: Saray M. Rus İşgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasındaki Siyasi Münasebetler (1775–1875). Ankara, 1994. М. Сарай определяет период «русской оккупации» с 1775 по 1875 г. Другой турецкий автор, А. Ялчинкая, отсчитывает начало «оккупации» с 1864 г. См.: Yalçinkaya A. Sömürgecilik, Pan-İslamizm Işığında Türkistan. Ankara, 2006. S. 62. Наиболее адекватный турецкий историк А. Андиджан, применяет термин «оккупация» более избирательно, применяя его к последствиям русско-бухарского конфликта 1868 г. и похода на Хиву 1873 г. См.: Andican A. Osmanlı'dan Günümüze Türkiye ve Orta Asya. İstanbul, 2009. S. 215–247.

³ Andican A. Osmanlı'dan Günümüze Türkiye ve Orta Asya. İstanbul, 2009. S. 29–33.

Одним из первых наиболее ярких и острых эпизодов политического взаимодействия Османской империи и Центральной Азии стала борьба Тимура и султана Баязида Йылдырыма за военно-политическое доминирование на постмонгольском пространстве. По всей видимости, именно с этого конфликта и необходимо начинать отсчет политических отношений Османской империи и Центральной Азии.

Значение этого конфликта практически на 200 лет предопределило опасливое отношение османской элиты к попыткам восстановить в Центральной Азии могущественную державу – наследницу империи Тимура¹. Именно поэтому фоном для достаточно успешного военно-политического сотрудничества Шейбанидов и Османов в 1580-х – 1590-х гг. являлось взаимное недоверие, завуалированные упреки, угрозы и борьба за контроль над паломническими маршрутами к святым местам ислама. Право считаться наиболее могущественным государем среди мусульман-суннитов вызывало скрытое соперничество между Бухарой и Стамбулом и оказывало ощутимое влияние на геополитику мусульманских регионов мира XVI в. Захват узбеками Хорасана и разгром Ирана привели бы к появлению на восточных границах Османской империи нового опасного соперника в лице энергичных бухарских правителей. В итоге, по словам Й. Хаммера, при османском дворе политические соображения перевесили религиозную идею².

К началу XVII вв., после падения династии Шейбанидов и отказа Джанидов от идеи захвата бывших тимуридских владений, правители Центральной Азии перестают восприниматься в Османской империи как геополитические конкуренты.

В XV–XVII вв. на связи Османской империи и Центральной Азии, помимо попыток восстановить политическую, экономическую и культурную мощь державы Тимура и Тимуридов, влияли и другие факторы, важнейшим из которых было противостояние с Сефевидами. Военно-политический союз с правителями Бухары начал формироваться в XVI в. именно на основе совместных действий против Сефевидов³. Османь видели угрозу в распространении еретических шиитских взглядов в восточных вилайетах Османской империи Анатолии и не были заинтересованы в усилении Сефевидов, также претендовавших на наследие Тимура⁴. Итогом противостояния Османов и Сефевидов стала общая пограничная линия (более выгодная для Османов), которая менялась и уточнялась вплоть до начала XX в.

¹ История народов Узбекистана. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина и В. А. Шишкина. Ташкент: Изд-во АН УзССР. 1947. Т. 2. С. 40.

² Hammer J. P. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. 4. S. 201.

³ Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin. İstanbul, 1274. C. 1, s. 349.

⁴ Sümer F. Safevi Devletinin Kuruluşu ve gelişmesinde Anadolu Türklerinin Rolü. Ankara, 1976, s. 30–38.

Пик успешной завоевательной политики Шейбанидов в Хорасане пришелся на начало 1590-х гг., причем успех был достигнут благодаря координации военных действий с османскими султанами¹. Однако в результате внутренних смут и династического кризиса Джаниды не смогли в полном объеме продолжать экспансию своих предшественников, и боевые действия против Сефевидов стали ограничиваться набегами на приграничные области. Османским султанам в XVII в. не удалось создать столь же эффективный военно-политический альянс с Джанидами, как и в XVI в. с Шейбанидами. После смерти Абдаллаха в 1598 г. бухарские правители окончательно отказываются от намеченной еще Шейбани-ханом линии на восстановление в тех или иных границах империи Тимуридов.

Интересно, что инициаторами совместных действий первоначально выступали османские правители. Бухарские владыки в обмен на готовность к совместным боевым действиям зачастую требовали военной-технической помощи – ружей и пушек. И в ряде случаев получали подобную помощь². Однако, когда инициатором союза выступали центрально-азиатские правители, османы чаще отказывали им, ссылаясь на действовавшие мирные договоры с Ираном³. Вместе с тем в периоды мира между османами и Сефевидами посольства из Центральной Азии превращались для османского двора в обузу, поскольку посланники иногда в течение месяцев проживали в Стамбуле за счет казны⁴. Взаимные попытки координации боевых действий против Ирана с правителями Центральной Азии продолжалась вплоть до 30-х гг. XVIII в. Последним примером подобной переписки можно назвать просьбы хорезмского правителя Ильбарса II к султану Махмуду I о походе против Надир-шаха⁵. Султан вынужден был отказать, ссылаясь на существовавшие мирные договоры⁶. К началу XVIII в. Османская империя от стратегического наступления переходит к обороне, и стратегия одновременного нападения на Иран с запада и востока теряет свою актуальность. Тем не менее на протяжении XVI–XVII вв. такая стратегия доказала, по крайней мере, свою частичную успешность и состоятельность. Даже если скоординировать выступления не удавалось, иранские правители вынуждены были учитывать «узбекскую» угрозу со

¹ См.: Alberti E. *Relazioni degli ambasciatori veneti al senato*. Firenze, 1840. serie III, volume II, 392–2.

² Мейер М. С. Особенности становления и развития Османской империи. С. 224–225. // В кн.: BASILEUS. Сборник статей, посвященный 60-летию Д. Д. Васильева. М.: ИВРАН, 2007; Howorth H. H. *History of Mongols from the 9th to the 19th Century*. London, 1880. P. 728. Также см.: Hammer, *ibid.*, Bd. 3. S. 424. Orthonlu, Cengiz. *Osmanlı Tarihine Ait Belgeler ve Telhisler. (1597–1607)*. İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi yayınları (Sayı 1511) Edebiyat Fakültesi Basımevi, İstanbul, 1970, S. 79–80.

³ См. Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 49–111.

⁴ В частности, об этом говорит Хаммер, см.: Hammer J. P. *Op. cit.* S. 288.

⁵ BOA, Name-i Hümayun Defteri, Nr.7, s. 273; BOA, Name-i Hümayun defteri, Nr. 7, 430.

⁶ BOA, Name-i Hümayun defteri, Nr. 7, 436–437.

стороны Хорасана. Однако при заключении мирных договоров с Ираном османская элита руководствовалась принципом государственного эгоизма, не учитывая интересы своих центральноазиатских союзников. Происходило это в силу указанных выше причин, которые можно связать с исторической памятью о поражении от Тимура.

Еще одним важным фактором, оказывавшим влияние на османскую политику на центральноазиатском направлении, была торговля. В XVI в. караванная торговля еще не была полностью вытеснена европейской морской торговлей и была способна приносить выгоду тем, кто контролировал караванные пути с Востока на Запад. Интересно, что на основе сохранившихся в османских архивах документов, подходы Османской империи и Шейбанидов к контролю над торговыми путями с Востока на Запад представляются различными. Порта рассматривала захват Астрахани в контексте военно-политического противостояния с Сефевидами, а торговля и паломничество представлялись второстепенной задачей. В то же время бухарский правитель Абдаллах II считал основной целью захвата Астрахани именно обеспечение безопасного маршрута для торговцев и паломников. По мнению А. Беннигсена и М. Бериндея, после провала попыток захвата Астрахани для Порты связь с Шейбанидами должна была осуществляться через южную часть Каспийского моря. Османское завоевание Южного Азербайджана должно было стать для этого отправным пунктом¹. Однако для этого требовалось создать на Каспии дееспособный флот.

Османские историки Ходжа Садеддин-эфенди и Али Гелиболулу, рассказывая о захвате турками Азова и Кафы, считали их воротами в Черноморский регион для торговцев из Центральной Азии². Прибывавшие туда паломники привозили в основном шёлк, меха, органические красители растительного происхождения (марена), редкие минералы (например, лазурит), пряности. Из Османской империи вывозились различные товары, особо ценились оружие, железные изделия. В османских «дефтерах важных дел» зафиксированы жалобы туркестанских паломников на завышенные налоговые сборы местных чиновников. Османское правительство требовало от бейлербеев Кафы и Азова отказаться от сбора торговых пошлин с хаджи, уезжавших в Центральную Азию³. Это объяснялось тем, что доходы от предназначенных к продаже на территории Османской империи товаров были предназначены для покрытия нужд паломников во время хаджа. Поэтому они не могли облагаться дополнительными налогами. Од-

¹ Беннигсен А., Бериндей М. Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587–1588 гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 200–201.

² Носа Sadedtin Efendi. Tacü't-tavarih, с. 3, s. 151. Gelibolulu Ali, Kitabü't Tarih-i Künhü'l Ahbar. С. 1, s. 676.

³ См., например, ВОА, Mühimme defterleri, 24/421 – Распоряжение губернатору Азова (Азака) о запрете взимания торговых пошлин с товаров, привозимых выходцами из Самарканда, Бухары и Мавераннахра. 1573 г.

нако полностью пресечь злоупотребления не удавалось¹. Похожие меры принимались и в отношении тех, кто прибывал в Басру и на побережье Красного моря. Прибывавшие туда паломники из Центральной Азии и из империи Моголов продавали в крупных пограничных портовых городах пряности, ткани, драгоценные камни и другие товары и затем на вырученные средства прибывшие отправлялись в хадж².

Эпоха Великих географических открытий привела к тому, что Центральная Азия из перекрестка мировой торговли Востока и Запада постепенно превратилась в географически изолированный периферийный регион. Политическая раздробленность и периоды междоусобных войн привели к экономическому, социальному и культурному упадку местной жизни. В результате там произошло изменение традиционных торговых маршрутов: вместо направления «Восток–Запад» сформировались торговые маршруты «Север–Юг», которые были призваны скомпенсировать упадок традиционной внешней торговли³.

Британская исследовательница О. Бёртон хорошо описала процесс изменения торгово-политических приоритетов правителей Бухары в XVII – начале XVIII вв. от связей с Османской империей к связям с Москвой и Индией⁴. К началу XVII в. размер караванов из Центральной Азии, прибывавших в Османскую империю, существенно сократился. Количество прибывавших вместе с караваном насчитывало не более ста человек. В основном привозился шёлк-сырец, ковры, пряжа, хлопковые полотна, самаркандская бумага, украшенные серебряными и золотыми нитями ткани, драгоценные камни, специи, растительные краски и фарфор из Китая⁵.

Нередко посланники правителей Центральной Азии в Стамбул являлись одновременно и дипломатами, и торговцами, и паломниками. Продав часть привезенных ими товаров после выполнения непосредственно дипломатической миссии, они испрашивали у османских властей разрешения на паломничество в Мекку и Медину⁶. Несмотря на упадок традиционной караванной торговли и ее переориентацию на торговлю с Россией, совмещение дипломатических торговых и ритуальных функций предста-

¹ Yücel Öztürk. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe. 1475–1600. Kültür Bakanlığı Yayınları, Ankara, 2000. S. 289–290.

² Casale G. The Ottoman Administration of Spice Trade in the Sixteenth Century Red Sea and Persian Gulf // Journal of the Economic and Social History of the Orient, 49/2 (2006). P. 185.

³ В частности см.: Simkin F. The Traditional Trade of Asia. Oxford University Press, New York, 1968.

⁴ Burton, A. The Bukharans. A dynastic, Diplomatic and Commercial History. 1550–1702. Curzon Press, Surrey, 1997.

⁵ Burton, The Bukharans... P. 435.

⁶ Такое смешение функций посольств из Центральной Азии стало причиной определенного иронического оттенка в работах некоторых турецких историков, недоумевавших, за что этим послам оказываются такие почести и почему они живут месяцами за счет казны, приведя султану в подарок всего лишь каких-то тощих лошадей. См.: Tarih-i Cevdet, C. 5, S. 368.

вителями ханств Центральной Азии продолжалось и в XIX в.¹

В отличие от торговли, хадж как культурный феномен сохранил свое значение вплоть до начала Первой мировой войны. Османская политическая элита в последней четверти XIX – начале XX вв. использовала хадж как инструмент гуманитарного влияния на мировую мусульманскую общину. Значительная часть мусульман мира проживала на территориях, входивших в состав мировых империй – Англии, Франции, России. Симпатии, сочувствие и моральная поддержка местных мусульман были важны для выживания Османской империи, оставшейся в их глазах единственным оплотом ислама перед лицом европейской экспансии. Панисламистская политика Османской империи, направленная в том числе и на туркестанских мусульман, заключалась в поддержке веры мусульманского населения всего мира в то, что Османская империя – последняя защитница мусульман перед лицом европейской христианской экспансии. Начиная с периода правления султана Абдулазиза (1861–1876), Порты пыталась широко пропагандировать факты помощи приезжавшим по различным причинам из Туркестана улемам, шейхам и представителям ученого сословия². Абдулхамид II (1876–1909) также призывал местную администрацию оказывать всевозможную помощь паломникам во время хаджа³. В меру имеющихся возможностей османские власти оказывали им содействие, стремясь завоевать их расположение и зарождая в них чувство симпатии к Османской империи⁴.

Широко практиковалась поддержка тех улемов и шейхов, которые прибывали в Турцию из Центральной Азии, а также покровительство членам правящих династий, кланов. Наиболее выдающиеся представители получали аудиенцию у падишаха, а также награждались почетными званиями, денежными наградами, представлялись к османским орденам⁵. Подобная деятельность была направлена на формирование среди местных элит симпатий к Турции, которые можно было бы использовать в противовес европейским устремлениям к разделу Османской империи.

Активные культурные и религиозные связи привели к формированию на территории Стамбула целого ряда суфийских текке, получивших название «узбекских», «бухарских» или «кашгарских». Названия зачастую отражали этногеографическую принадлежность своих основателей. Насто-

¹ Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 287–297.

² Saray M. Rus İlgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasında Siyasi Münasebetler (1775–1875)/ S. 103, 105.

³ См.: BOA, Y.A.HUS., дело № 212, файл 60.

⁴ BOA, İrade-i Meclis-i Vükela, 23450 (О выдече бухарскому шейху Абдулкерим-эфенди и афганскому шейху Шехабэттин-эфенди 5000 и 4000 курушей на проезд соответственно).

⁵ Например, см. BOA, А.МКТ.МНМ. Дело № 481, файл 46. О назначении именной пенсии от имени султана временно проживающему в Конье бухарцу Абдулхамиду-эфенди; BOA, Y.PRK.UM. Дело № 21, файл 72. О приеме в султанском дворце Ахунд Джана, одного из шейхов Бухары, временно проживающего в Медине и т. п.

ятели подобных текке могли играть важную роль в османской дипломатии. Шейхи целого ряда суфийских «узбекских» текке братства Накшбандийа в Стамбуле играли роль политических консультантов и переводчиков в случае прибытия посланников из Центральной Азии¹. Зачастую, в случае жалоб правителей Коканда или Хивы на эмиров Бухары, эти шейхи занимали пробухарскую позицию, оказывая влияние на выработку решения османскими чиновниками².

В последней четверти XVIII – первой половине XIX в. фактор России в отношениях Османской империи и ханств Центральной Азии (особенно Бухары) приобретает стратегическую значимость. Происходит это на фоне успешной борьбы России с Османской империей за Крым. Следует отметить, что ни в XVI, ни в первой половине XVII вв. Москва и ее политика не воспринимались в Османской империи как угроза ее жизненным интересам. Первые османские предложения правителям Центральной Азии выступить против Москвы появляются лишь в конце XVII в.³, и их можно трактовать как превентивно-оборонительные. Однако военные поражения русско-турецких кампаний последней четверти XVIII в. приводят османскую элиту к мыслям о создании более действенного антироссийского военно-политического альянса с Бухарой⁴. Интересно, что и российский власти, и правители Центральной Азии, и османские султаны в конце XVIII – начале XIX вв. по-разному видели будущее многосторонних отношений. Россия преследовала геостратегические и экономические интересы, пытаясь при помощи установившихся контактов с Бухарой и апеллируя к авторитету султана как халифа, открыть торговый путь на юг в Индию⁵. Бухарские ханы и элиты стремились наладить выгодную торговлю с Россией, одновременно заручившись ее поддержкой для организации хаджа. Хива и Коканд были объектами российской стратегии в Центральной Азии и соперниками в борьбе за влияние на кочевое население степей современного Казахстана. Османы же в моменты кризисов в российско-турецких отношениях стремились использовать прежде всего Бухарское ханство как военно-политического союзника в борьбе с Россией. Подобные попытки наблюдаются на протяжении всей первой половины XIX в., вплоть до мо-

¹ Одна из наиболее детальных работ на эту тему: Zarcone, Thierry. *Histoire et croyances des derviches turkestanais et indiens à Istanbul // Anatolia Moderna, Derviches et Cimetières Ottomans*, vol. II, Paris, 1991 P. 137–200.

² Васильев А. Д. *Знамя и меч от падишаха*. С. 175.

³ ВOA, Name-i Hümayun Defteri, Nr.5, s. 72–77. В 1688 г. хан Хорезма Мухаммед-Эренк (1687–1688) (в османском документе упомянут как Орнек Багатур) предложил султану свою помощь в борьбе с неверными «франками» и желал лично участвовать в войне. В ответ султан поблагодарил хана за рвение и сообщил, что был бы признателен хану, если тот сумеет защитить Крым в случае наступления русских войск в то время, как крымский хан помогает султану в Европе.

⁴ См.: Васильев А. Д. *Указ. соч.* С. 99–101.

⁵ Васильев А. Д. *Знамя и меч от падишаха*. С. 101–107.

мента превращения Бухарского эмирата в российский протекторат.

Интересно, что заложенная еще в XVI в. традиция обращаться именно к правителям Бухары как наиболее влиятельным и сильным в Центральной Азии продолжилась и в XIX в. Переписка с ханами Хивы и отдельными представителями династии Шейбанидов носила эпизодический характер. Ситуация, однако, менялась в XIX в., когда на территории Центральной Азии окончательно оформились три независимых владения: Хивинское и Кокандское ханства и Бухарский эмират. Распад некогда единого культурного и политического постмонгольского пространства привнес в отношения с Османской империей дополнительный фактор – фактор легитимности. Он заключался в том, что центральноазиатские правители обращались к султану с просьбами подтвердить их право владеть завоеванными территориями или районами, населенными кочевым населением. Письма от султана становились дополнительным инструментом придания легитимности собственной власти и иногда, вне зависимости от их содержания, трактовались как несомненный факт международного признания со стороны самого могущественного мусульманского правителя тогдашнего мира.

В XIX в. политика Коканда, Хивы и Бухары в отношении Османской империи в XIX в. различалась в зависимости от конкретной политической ситуации и интересов правящих ханов и эмиров. Накопленный фактический материал позволяет сделать выводы о том, какие интересы преследовали Коканд, Хива и Бухара, отправляя посольства в Стамбул.

Бухарское ханство и его правители по традиции являлись основными визави османских султанов в Центральной Азии. Эмир Хайдар (1800–1826) неоднократно отправлял своих представителей в Стамбул. Согласно турецким архивным документам, основными вопросами, которые волновали его посланников, было международное признание власти эмира, легитимация власти эмира над подвластными ему территориями¹. С 1816 г. к данному кругу тем добавились просьбы эмира о присылке ему религиозной литературы, которые удовлетворялись, как минимум, трижды: в 1818, 1820 и 1826 гг.² В 1819 г. эмир Хайдар обратился к султану с просьбой принять под защиту Бухарский эмират. Эта просьба была обусловлена сложной внутри- и внешнеполитической ситуацией вокруг эмирата³. При обсуждении просьбы эмира Хайдара османские чиновники пришли к выводу, что в случае удовлетворения его просьбы, султанское правительство будет испытывать сложности, аналогичные тем, которые возникали с

¹ Там же. С. 112–136.

² Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 125, 130, 135–136.

³ Ее характеризовали изнурительные войны с Кокандом, набегами хивинского хана Эльтузера и мятежными правителями отдельных регионов – Шехрисябза, Балха, Мерва, напряженная внутренняя ситуация – см.: Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М.: Издательство Восточной Литературы, 1958. С. 134–137.

Францией из-за Алжира¹.

Эмир Насрулла (1827–1860) стремился заручиться османской дипломатической поддержкой при планировании боевых действий против Коканда и Хивы. Его посланник, прибывший в Стамбул в 1837 г., просил разрешения султана подавить мятежи в Мавераннахре и Балхе, причем османские чиновники понимали, что данные территории являлись частями Хивинского и Кокандского ханств². В то же время, впервые в XIX в., османские султаны обратились к эмиру с просьбой помиловать арестованных в Бухаре англичан – Ч. Стоддарта и А. Конолли³. Переписка шла на протяжении 1841–1844 гг. и вызвала определенное раздражение бухарского эмира⁴. Из османской переписки о бухарских посольствах 1840-х – 1850-х гг. становится понятно, что правители Коканда и Бухары на фоне длительных военных конфликтов между собой вели активную дипломатическую борьбу за моральную поддержку султана. Кокандский хан и бухарский эмир стремились заручиться письмами, драгоценными дарами и реликвиями от падишаха, которые бы укрепили их престиж в глазах местного населения в борьбе за территориальный контроль⁵. Османское правительство в данной ситуации пыталось выступать в роли миротворца, призывая правителей прекратить вражду и сохранить единство мусульманской общины⁶.

В правление эмира Сейида Музаффар-эд-Дина (1860–1885) османское правительство снова выступило в качестве заступника итальянцев, попавших под арест в Бухаре⁷. Однако их освобождению больше способствовали жесткие и решительные меры генерал-губернатора Оренбурга А. П. Безака и русского правительства⁸. Основное содержание османско-бухарской переписки в указанный период посвящено противостоянию с Россией. Бухарский эмир после начала боевых действий с русскими войсками намеревался создать антироссийский альянс с участием Великобритании и Османской империи, однако ему это не удалось⁹. После поражения и заключения мира с Россией эмир просил султана выступить посредником между ним и российским правительством. Предполагалось, что султан

¹ Васильев А. Д. Указ. соч. С. 128.

² Там же. С. 137–138.

³ Всего было обнаружено 8 писем султана к эмиру. Часть была опубликована на русском языке – см.: Васильев А. Д. Турецкий султан и пленные англичане в Бухаре. Османский документ из переписки об освобождении арестованных в Бухаре британских агентов Чарлза Стоддарта и Артура Конолли // Исторический вестник. Россия и мусульманский мир. Том 11 (158). Март 2015 г. С. 250–255.

⁴ См. Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 140–142.

⁵ Там же. С. 142–145.

⁶ Там же. С. 142–143.

⁷ Там же. С. 145–147.

⁸ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 2003. С. 144; Васильев А. Д. Указ. соч. С. 147–148.

⁹ Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 149–150.

направит необходимые для модернизации ханства материалы и специалисты. А само ханство станет буфером между британской и российской сферами влияния. Однако османское правительство не сочло эти предложения выполнимыми из-за боязни осложнения дипломатических отношений с Россией¹.

После 1873 г. в османских архивах нами не было обнаружено сведений об официальной дипломатической переписке с эмиром. Однако, несмотря на официальный запрет царской администрации на ведение самостоятельных внешнеполитических акций, связи продолжались на уровне личных контактов – между различными османскими министерствами и частными лицами, проживавшими на территории ханств или выходцами из ханств, находившимися на территории Османской империи. Письма такого характера отмечены нами в 1895 и 1899 гг. Таким образом, для бухарских эмиров при установлении двусторонних отношений с Турцией в качестве приоритетных были, прежде всего, культурно-религиозные связи, легитимация власти и политико-дипломатическая поддержка.

Кокандские ханы также вели активную переписку с османскими султанами вплоть до ликвидации ханства. Омар-хан (1809–1822) был первым ханом Коканда, начавшим активную переписку с Махмудом II (1808–1839). В 1820 г. он просил у турецкого султана признать его султанским наместником и прислать ему символы власти – знамя, меч и письмо, в котором султан признавал бы его притязания². Интересно, что в подарок султану Омар-хан отправил помимо диванов Лютфи и Навои свой собственный сборник стихов «Мухаббат-нама», написанный им под псевдонимом «Амири». Таким образом он хотел показать свою принадлежность к династии Тимуридов и высокое положение среди классиков тюркской поэзии³. Он, вероятно, пытался пригласить турецких мастеров и оружейников в Коканд, но неудачно⁴. Неудачный исход посольства был обусловлен тем, что бухарские улемы в Стамбуле описали Коканд как пример сецессии от Бухары⁵.

Несмотря на первую неудачу, следующие посольства, отправленные ханом Мухаммедом Али (1822–1842) в 1829 и 1832 гг., по всей видимости, были более удачными. Полученные в результате султанские дары

¹ Там же. С. 154–165.

² Там же. С. 174–176.

³ Эркинов А. Рукопись на службе геополитики Кокандского ханства: Мухаббат-нама как дипломатический подарок Умар хана (1810–1822) османскому султану Махмуду II (1808–1839) // Локальное наследие и глобальная перспектива: «традиционализм» и «революционизм» на Востоке. XXVII Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2013. С. 109–110.

⁴ Togan Z. V. Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi. Cilt 1. Batı ve Kuzey Türkistan. İstanbul, Enderun Kitabevi, 1981. S. 213, 216.

⁵ Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 175–176.

свидетельствовали о признании независимости ханства и вызвали ревность эмира Насруллы¹. Дары и поздравительные письма от султана также использовались Худояр-ханом в междоусобной борьбе за кокандский престол с Малла-ханом, но тот отказался признать религиозное верховенство султана².

Достаточно типичной для кокандских ханов просьбой была отправка в ханство специалистов по металлургии и горнорудным промыслам, а также военных специалистов для обучения местных войск. Подобные темы поднимались кокандскими посольствами в 1820, 1838, 1848, 1861 и 1868 гг. Однако все они закончились безрезультатно³. Переписка 1868 г. между султаном и кокандским ханом стала фактически последним эпизодом официальных дипломатических отношений. После этого времени документов, подтверждающих официальные дипломатические связи кокандских ханов и султанов, не было обнаружено. Таким образом, на первом плане для кокандских ханов в их отношениях с султанами первоначально было получение «международного» признания со стороны крупнейшего независимого мусульманского правителя. Впоследствии, после получения подобного признания, на первый план выходят обусловленные сложной внешнеполитической (для Коканда) ситуацией требования военной и технологической модернизации.

Отношения хивинских ханов и османских султанов были не такими яркими и насыщенными, как с правителями Бухары и Коканда. Имеются данные о 4-х хивинских посольствах в Стамбул от ханов Аллакули (1825–1842), Мухаммеда Эмина (1845–1855), Сейида Мухаммеда (1856–1865) и Сейида Мухаммеда Рахима (1865–1910)⁴. Посольства совпадали по времени с эпизодами русско-хивинских конфликтов и апеллировали к помощи и заступничеству султана. Для хивинских ханов дипломатическая поддержка Османской империи в противостоянии с Россией играла первостепенную роль.

Особое место в отношениях Османской империи и государств Центральной Азии занимает история отношений Стамбула и Кашгара. Созданное выходцем из Коканда Якуб-беком государство Джетишаар в Восточном Туркестане стало единственным в своем роде, получившим существенную турецкую военную, материальную и политическую поддержку. Однако, поскольку отношениям Джетишаара и Османской империи будет посвящена отдельная статья, в данном случае лишь кратко упомянем об их активном развитии в 1860-х – 1870-х гг.

После упразднения Кокандского ханства, превращения Бухарского эмирата и Хивинского ханства в российские протектораты, контакты населения Центральной Азии с Османской империей не прервались, хотя мест-

¹ Там же. С. 180–181.

² Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства, С. 56, 268, 288.

³ См.: Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 172–214.

⁴ Более подробно см.: Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. С. 215–226.

ным элитам было запрещено вести самостоятельную внешнюю политику. Связи региона с Турцией в конце XIX – начале XX вв. осуществлялись на уровне межличностных персональных контактов представителей элит и продолжались до 20-х гг. XX в. Основной формой контактов стали культурно-гуманитарные связи. Благодаря включению Бухары в российскую транспортную сеть для местного населения существенно расширились возможности совершения хаджа. Распространение периодической печати способствовало более детальному и широкому ознакомлению местного населения с происходящим в Османской империи и мусульманском мире в целом. После младотурецкой революции Османская империя стала определенным образцом общественных и государственных реформ, введения конституции и законодательного ограничения власти местных правителей. Османская империя стала и просветительско-образовательным центром, который притягивал наиболее прогрессивных представителей центрально-азиатской интеллигенции и предоставлял возможность представителям местной молодежи получить относительно современное образование в крупнейшем мусульманском университете того времени. Однако Первая мировая война, распад Османской империи и социально-политические потрясения в Центральной Азии коренным образом изменяют характер традиционного взаимодействия.

Список источников и литературы¹

1. Беннигсен А., Бериндей М. Астрахань и политика в степях Северного Причерноморья (1587–1588 гг.) // Восточная Европа Средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 428 с. С. 194–213.
2. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М.: Восточная литература, 2003. 320 с.
3. Васильев А. Д. Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XIX вв.). М.: ИВ РАН, 2014. 354 с.
4. Васильев А. Д. Турецкий султан и пленные англичане в Бухаре. Османский документ из переписки об освобождении арестованных в Бухаре британских агентов Чарлза Стоддарта и Артура Конолли // Исторический вестник. Россия и мусульманский мир. Том 11 (158). Март 2015 г. С. 250–255.
5. Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М.: Издательство Восточной Литературы, 1958. 247 с.
6. История народов Узбекистана. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина и В. А. Шишкина. Ташкент: Изд-во АН УзССР. 1947. Т. 2. 514 с.
7. Мейер М. С. Особенности становления и развития Османской империи // BASILEUS. Сборник статей, посвященный 60-летию Д. Д. Васильева. М.: ИВ РАН, 2007. С. 222–239.
8. Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства (феодалное хозяйство

¹ BOA – Başbakanlık Osmanlı Arşivi (Османский архив Кабинета премьер-министра).

Худояр-хана). Ташкент: Фан, 1973. 388 с.

9. Эркинов А. Рукопись на службе геополитики Кокандского ханства: Мухаббат-нама как дипломатический подарок Умар хана (1810–1822) османскому султану Махмуду II (1808–1839) // Локальное наследие и глобальная перспектива: «традиционализм» и «революционизм» на Востоке. XXVII Международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Тезисы докладов. СПб.: Восточный фак. СПбГУ, 2013. 430 с. С. 109–110.

10. Alberti E. Relazioni degli ambasciatori veneti al senato. Firenze, 1840. Serie III, volume II. 488 p.

11. Andican A. Osmanlı'dan Günümüze Türkiye ve Orta Asya. İstanbul: Doğan Kitap, 2009. 625 s.

12. BOA, Name-i Hümayun Defteri, Nr.7, 273.

13. BOA, Name-i Hümayun Defteri, Nr.7, 430.

14. BOA, Name-i Hümayun Defteri, Nr.7, 436–437.

15. BOA, Mühimme Defterleri, 24/421.

16. BOA, Y.A.HUS., d. 212, g. 60.

17. BOA, İrade-i Meclis-i Vükela, 23450.

18. BOA, A.MKT.MHM. d. 481, g. 46.

19. BOA, Y.PRK.UM. d. 21, g. 72.

20. BOA, Name-i Hümayun Defteri, Nr.5, s.72–77.

21. Burton A. The Bukharans. A dynastic, Diplomatic and Commercial History. 1550–1702. Surrey: Curzon Press, 1997. 664 p.

22. Casale G. The Ottoman Administration of Spice Trade in the Sixteenth Century Red Sea and Persian Gulf // Journal of the Economic and Social History of the Orient, 49/2 (2006). P. 170–198.

23. Feridun Bey, Münşeat-üs Salatin. İstanbul, 1274. Cilt.1. 652 s.

24. Gelibolulu Ali, Kitabü't Tarih-i Künhü'l Ahbar. Kayseri, 1997. Cilt.1. 697 s.

25. Hammer J. P. Geschichte des osmanischen Reiches. Pest: C.A. Hartlebens Verlage, 1833. 694 s.

26. Hoca Sadettin Efendi. Tacü't-tavarih. Kültür Bakanlığı Yayınları, İstanbul, 1978. Cilt.3. 401 s.

27. Howorth H. H. History of Mongols from the 9th to the 19th Century. London: Longmans, Green and Co, 1880. 627 p.

28. Orhonlu Cengiz. Osmanlı Tarihine Ait Belgeler ve Telhisler. (1597– 1607). İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi yayınları (Sayı 1511). İstanbul: Edebiyat Fakültesi Basımevi, 1970. XXIX, 149 s.

29. Saray M. Rus İşgali Devrinde Osmanlı Devleti ile Türkistan Hanlıkları Arasındaki Siyasi Münasebetler (1775–1875). Ankara: TTK Yayınları, 1994. I-VIII, 188 p.

30. Simkin F. The Traditional Trade of Asia. London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1968. XIV, 417 p.

31. Sümer F. Safevi Devletinin Kuruluşu ve gelişmesinde Anadolu Türklerinin Rolü. Ankara, TTK Yayınları, 1976. 270 p.

32. Tarih-i Cevdet. İstanbul, Sabah - Üçdal, 1973. Cilt.5. 512 s.

33. Togan Z. V. Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi. Cilt 1. Batı ve Kuzey Türkistan. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1981. C. 1. 696 s.

34. Yalçinkaya A. Sömürgecilik, Pan-İslamizm Işığında Türkistan. Ankara: Lalezar Kitabevi, 2006. 528 s.

35. Yücel Öztürk. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe. 1475–1600. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2000. 570 s.

36. Zarcone Thierry. Histoire et croyances des derviches turkestanais et indiens à Istanbul // *Anatolia Moderna, Derviches et Cimetières Ottomans*, vol. II, Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, Jean Maisonneuve Successeur, 1991. P. 137–200.

О. О. Лисенков
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIX В.: К ИСТОРИИ ВОПРОСА¹

Аннотация: В статье рассматривается внешняя политика Германской империи в конце XIX века в Центральной Азии, основой которой был колониализм, который обосновывался в рамках двух идеологических концепций. Первая концепция предполагала, что колонии обеспечивают государство рынками сбыта и редкими ресурсами, вторая концепция предлагала воссоздание традиционного общества на захваченных иностранных территориях. Центральная Азия, богатая природными и человеческими ресурсами, осваивалась Германией в духе политики экономического колониализма, так как присутствие в этом регионе Российской империи и Великобритании делало невозможным прямой захват территорий. Германия использовала дипломатию и экономические инструменты для оказания влияния на центральноазиатские страны (Индию, Иран, Афганистан). В итоге удалённость региона от Европы, политическое и экономическое противодействие со стороны Британии и России определили низкую эффективность политики Германской империи в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, Германская империя, колониализм, внешняя политика, XIX век.

Идеи, лежащие в основе внешней политики Германской империи, возникшей в 1871 году в результате объединения немецких земель после войны между Пруссией и Францией, как отмечает американский историк Нина Берман, «имели в своей основе исторические и культурные корни»². Второй рейх под руководством канцлера Пруссии Отто фон Бисмарка (1815–1898) первоначально был сосредоточен на решении «немецкого вопроса» в Европе, тогда как собственно политика захвата заморских территорий в качестве колоний становится важной частью внешнеполитической стратегии Германской империи, начиная с 1880-х гг. Цели и принципы этой колониальной политики обосновывались исторически, так как в немецком государстве необходимость в колониях аргументировалась, как отмечает американский историк Вудро Смит, «в рамках двух противобор-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

² Berman N. *German Colonialism Revisited: African, Asian, and Oceanic Experiences*. US: University of Michigan Press, 2014. P. 5.